

ВИЗУАЛЬНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Материал
подготовили:

Артём Рыжков

Софья Ткачук

Исследование визуальности — это не только процесс, охватывающий все сферы современной жизни и культуры, но и очень личный опыт. О том, как соединить научные, практические и педагогические интересы, а также с чего молодому ученому начать изучение этой проблемы, мы узнали у Виктории Яковлевны Малкиной.

Виктория Яковлевна Малкина — заведующая кафедрой теоретической и исторической поэтики РГГУ, заместитель декана института филологии и истории по научной работе, кандидат филологических наук, доцент. Сфера научных интересов: литература романтизма, русская литература первой четверти XIX века, поэтика исторического и готического романа, поэтика лирики, историческая поэтика, взаимодействие литературы, живописи, фотографии.

Артём Рыжков: Расскажите, пожалуйста, о себе. Где вы учились? Как пришли от исследования истории и теории литературы к проблеме визуальности?

Виктория Малкина: Я училась там же, где сейчас работаю, на историко-филологическом факультете РГГУ почти с самого его основания. Второй набор это был. Там же закончила и аспирантуру, при кафедре теоретической и исторической поэтики. Кандидатская диссертация была о поэтике исторического (и немного готического) романа, потом я переключилась на поэтику лирики и проблемы лирического сюжета. А вот нерабочие интересы как раз всегда были связаны с визуальными искусствами: живописью, фотографией, — так что в какой-то момент интересы научные и ненаучные естественным образом соединились. Стало интересно, как можно связать визуальное и литературу.

Софья Ткачук: И это как раз связано с нашим следующим вопросом. В визуальных исследованиях сейчас множество областей для изучения: это и экранизация литературы, и комиксы, и репрезентация исторического события в разных медиа или искусствах... Как вы оцениваете, какие направления в визуальных исследованиях являются наиболее актуальными и требуют наибольшего внимания? Возможно, есть научные лакуны, которыми мало кто или совсем никто не занимается, и там молодой ученый может сказать свое слово?

В.М.: Мне кажется, что для молодых ученых есть возможность заниматься чем угодно, в том числе и в области визуальных исследований. Visual studies, конечно, область очень бурно и активно развивающаяся, но в гуманитарной науке сравнительно молодая, так что, думается, ни в одном из направлений последнее слово пока не сказано. Тем более это относится к визуальному в литературе. Такой поворот вообще пока возникает скорее точечно, то есть применительно к отдельным текстам, чем в целом и системно — если не считать нашего с С.П. Лавлинским спецсеминара¹ в РГГУ.

Между тем, сфера визуальных исследований — очень интересная, потому что находится прямо в современном культурном поле. Появляется много синтетических форм, например, комиксы, графические романы, картины концептуалистов, когда и графическое изображение, и стихи, и живописное, и словесное вместе взаимодействуют. Сюда же можно отнести всякие явления медиакультуры, интернет-культуры, они тоже заслуживают изучения с точки

¹ — страница семинара «Визуальное в литературе» на сайте РГГУ.

Илл. 1. В.Я. Малкина с С.П. Лавлинским (фотография предоставлена Викторией Малкиной).

зрения функций визуального и его соотношения с текстом: мемы, посты в Инстаграме и все такое.

А.Р.: Из всех названных сфер вы занимаетесь прежде всего экфрасисом в литературе. В нескольких статьях² на эту тему вы писали, что экфрасис — один из аспектов репрезентации визуального в тексте и что само визуальное является свойством поэтики вербального текста.

А в отчете³ об итогах конференции, посвященной теории и истории экфрасиса, вы заметили, что вопрос о применении термина «экфрасис» к описаниям в тексте музыки является дискуссионным. Как вы относитесь к еще более дискуссионному утверждению, что песни на стихи, например, романсы, являются своеобразным экфрасисом уже литературы, ее описанием в категориях музыкального?

2 — Малкина В.Я. Точка зрения в экрафизисе: Три стихотворения А. Кушнера // Вестник РГГУ, 2020, № 2. С. 71–81; Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения : Материалы конференции, Седльце, 25–26 мая 2017 года / Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. Седльце, 2018. С. 413–431; Живопись в сюжетах стихотворений Ильи Сельвинского // Вестник РГГУ, 2018, № 2–1 (35). С. 28–42.

3 — Малкина В.Я. О конференции «Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы» // Acta Universitatis Lodzianensis / Сост. и ред. Тюна В. и Левитт М.: Folia Litteraria Rossica, 2017. № 10. С. 151–153.

В.М.: Мне это утверждение представляется спорным, потому что я вообще не уверена, что имеет смысл экстраполировать понятие «визуальное» на «музыкальное» (и, собственно, так же считали исследователи экфрасиса на конференции в Седльце⁴, о которой вы упомянули). Музыкальное в литературе — это отдельная, очень большая область, тоже очень интересная.

Конечно, между визуальным и музыкальным есть что-то общее, потому что и там, и там другой вид искусства присутствует в литературе, вербальном искусстве. Например, и то, и то может быть темой — может быть произведение о портрете, а может быть — о музыке, «Крейцера соната», скажем. **Но все-таки и музыка, и живопись функционируют сами по себе, по разным принципам, и в литературе они тоже отчасти по-разному присутствуют. И, если мы говорим о визуальном и музыкальном как о структурных особенностях текста, это будут разные особенности.**

Поэтому я не уверена, что имеет смысл говорить об экфрасисе и тем более о романсе как об экфрасисе. Имеет смысл придумать какой-нибудь другой термин, более точный, который будет менее метафорическим применительно к музыке — это один аспект. А второй аспект — мне кажется, что рассматривать песню или романс в отдельности, т.е. отдельно вербальную и отдельно музыкальную мелодическую составляющую, наверное, просто не очень корректно с научной точки зрения, потому что это тогда не песня и не романс, а отдельно саундтрек и отдельно стихотворение. А если мы говорим о романсе или о песне как о произведении искусства, их надо рассматривать вместе, целостно, как единый текст. Это мало кто делает, потому что для этого нужно обладать познаниями в обеих областях. Естественно, я не обладаю музыкальным образованием и не рискну анализировать музыкальную составляющую. Поэтому вольно или невольно я редуцирую ее, когда говорю об авторской песне, скажем. Но, если мы говорим о песне как о произведении искусства, это нужно делать вместе. И о романсе тем более.

А.Р.: Вопрос как раз возник по горячим следам. Недавно у нас был семинар⁵ с Борисом Михайловичем Гаспаровым, где он оперировал термином экфрасис применительно к романсу,

4 — Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения : Материалы конференции, Седльце, 25–26 мая 2017 года / Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского в Седльцах, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. Седльце, 2018. 703 с.

5 — Запись четвертой встречи семинара «Интермедиаальность литературы».

утверждая, что романс — это описание словесного произведения в категориях музыкального смысла, т.е. экфрасис. Наверное, Борис Михайлович как раз мог себе это позволить, потому что у него и музыковедческое, и филологическое образование.

В.М.: Безусловно, может себе позволить. Я бы поспорила, что это описание, мне кажется, здесь какой-то другой способ взаимодействия текстов. Но это интересно, если он про это напишет, надо будет почитать. Может, убедит.

С.Т.: А теперь перейдем к практической и институциональной стороне визуальных исследований. С 2012 года вместе с Сергеем Петровичем Лавлинским вы ведете занятия научно-исследовательского спецсеминара «Визуальное в литературе». Расскажите, как родилась идея этого семинара?

В.М.: Идея родилась сугубо из практических соображений. У нас спецсеминары были всегда на факультете. Это была школа научной работы, совместной работы с аспирантами и студентами. Но понятно, что это имеет смысл, когда регулярно ходит много людей. Иначе это просто индивидуальные консультации получаются. Соответственно, был год, когда у нас с моим коллегой (С.П. Лавлинским) было немного людей, по 2–3 человека, и получалось, что если кто-то заболел, то занятия просто нет и это превращается в консультацию, что, конечно, тоже круто, но совсем другой жанр.

У нас с Сергеем Петровичем уже был опыт совместных проектов, поэтому мы и решили, что если сложить его и моих студентов, то получится уже что-то, с чем можно работать. И что это можно организовать совместно. Сошлись на визуальном в литературе, поскольку это для нас обоих было интересно. Подумали, что на спец-

Илл. 2. Одно из заседаний спецсеминара (фотография предоставлена Викторией Малкиной).

семинар придет человек десять, и будет то, что надо. Но вместо десяти пришло двадцать, и концепция изменилась. Получилось так, что тема заинтересовала многих. И продолжает интересовать, потому что, конечно же, за эти восемь лет состав спецсеминара поменялся радикально по вполне понятным причинам, но преемственность сохраняется. Состав постепенно и регулярно обновляется, так что энтузиазм пока есть, и мы намерены продолжать.

А.Р.: Скоро у спецсеминара первый юбилей — 10 лет. Какие, на ваш взгляд, важнейшие итоги работы участников семинара: преподавателей и студентов?

В.М.: Самое главное лично для меня — мне кажется, что у нас родилось научное сообщество. Поскольку наш спецсеминар межкурсовой, иногда приходят люди с других факультетов, и наши выпускники, и не наши, и просто кто-то из их знакомых про нас услышал, позвал... ну и так далее. И люди с разным бэкграундом начинают общаться за пределами университета и вообще за пределами визуального — я вижу это по фоточкам в Инстаграме. Все это к нам уже не имеет отношения, но мне кажется, что это по-настоящему классно — когда люди, начавшие общаться на научные темы, это сообщество продолжают развивать.

Также у нас организуются конференции, на них последние лет пять довольно много людей. Такой формат тоже содействует знакомству: люди начинают общаться и за пределами учебной работы, и переписываются, и встречаются, возникают какие-то совместные проекты. С личным общением иногда сложнее, потому что часто люди из разных городов, но социальные сети помогают. И это, мне кажется, самое главное, хотя это и неизмеримо никакими формальными показателями. И для нас это тоже важно, потому что говорит, что мы работаем не зря.

Также работа на спецсеминаре подпитывает мои собственные научные интересы. Для меня как-то странно заниматься научной работой, если ее результаты останутся в каком-нибудь журнале.

Илл. 3. Презентация изданий спецсеминара (фотография предоставлена Викторией Малкиной).

Ну окей, кто-нибудь, наверное, это прочтет, но я, во-первых, могу об этом и не узнать, ну а во-вторых, хорошо, прочтет, а смысл? Когда же проблема обсуждается на занятиях, это совсем другое, потому что отдача возникает сразу. Плюс какие-то идеи проектов и статей возникали прямо непосредственно на занятиях, в общении.

В принципе, мы немало сделали. У нас вышло 8 сборников⁶ разного рода: и научных, и творческих, и немножко хулиганских. Была куча конференций, сейчас⁷ будет 12-я, но визуальная, по-моему, седьмая. В прошлом году у нас была презентация наших книг. В целом выглядело это солидно. И народ тоже был. Результаты есть, а через 2 года посмотрим. Но надеюсь, это будет не похоронный марш. Пока, во всяком случае, не похоже.

С.Т.: Можно ли считать, что в РГГУ складывается новая научная школа?

В.М.: Пока не знаю. Может быть, когда-нибудь из этого вырастет научная школа, но все-таки о формировании именно школы имеет смысл говорить, когда есть несколько поколений. Этого пока еще нет, хотя к защитах кандидатских скоро подойдут, я надеюсь, несколько человек из числа «выпускников» спецсеминара.

Я надеюсь, что мы в педагогическом отношении продолжаем традиции нашей научной школы. Хотя так получилось, что мы выросли в разных городах и учились в разных местах, но мы оба с С.П. Лавлинским принадлежим к одной научной школе, и у нас был общий учитель, Натан Давидович Тamarченко⁸. Соответственно, наша общая установка на то, что ученик не должен быть копией учителя, а должен открывать что-то свое и действовать по-своему, оттуда. Ее мы как раз хотим продолжать, чтобы ученики не подражали нам, а начинали что-то свое и действовали по-своему, спорили и пусть даже ругались, хотя последнего не хочется. В общем, открывали что-то новое, а не следовали за нами. Это неинтересно, мы-то и так есть. Зачем нам наши копии? Но может быть, когда-то будет школа в таком вот широком понимании.

6 — Абсурд, гротеск и фантастика в визуальных измерениях / ред. Малкина В.Я., Лавлинский С.П. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2019. 252 с.; Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция / Сост. и ред. Малкина В.Я., Лавлинский С.П. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2019. 286 с.; Визуальное во всем / Сост. и ред. Малкина В.Я., Лавлинский С.П. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2021. 184 с.; Рок-педагогика: теория и практика / Сост. и ред. Малкина В.Я., Лавлинский С.П. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2020. 308 с. и др.

7 — Интервью проводилось 3 марта, речь идет о конференции «Реальность и другая реальность в литературе и культуре: визуальные аспекты», которая проходила в РГГУ 11–12 марта 2021 г.

8 — Фильм «УЧИТЕЛЬ». Посвящается 70-летию Натана Давидовича Тamarченко.

А.Р.: А у вас бывали споры научные с вашими студентами? Когда они с вами были не согласны и каждый отстаивал свою точку зрения.

В.М.: Да, еще как, послушайте наши аудиозаписи с занятий!

А.Р.: Ваш спецсеминар показал, что научная проблема, в данном случае проблема визуального в литературе, может стать драйвером для развития студентов, научных, творческих и образовательных инициатив. Каков секрет успеха?

В.М.: Во-первых, я думаю, мы попали в тему. **Визуальные исследования, визуальное в литературе — это то, что многих интересует, пусть и с разных сторон. Кого-то больше кино, кого-то литература, кого-то театр, кого-то комиксы. Но это действительно многих объединяет с разных точек зрения, и мы стараемся брать очень разнообразный материал.** У нас всегда есть кино, всегда есть что-нибудь еще кроме литературы. Всегда очень разные произведения: разных родов, направлений, периодов. Кому-то на одном занятии будет менее интересно, а на другом более. Это и для нас продуктивнее — когда не одно и то же все время.

Во-вторых, то, что мы вдвоем работаем, тоже важно. Это помогает нам и практически, и содержательно. Так легче работать, когда мы поддерживаем друг друга и занятия сразу строятся в режиме диалога. Как минимум, когда у всех затык и немота, мы разговариваем друг с другом, и в какой-то момент включаются остальные. Это нам помогло, как мне кажется, выстроить неиерархическую структуру в нашем семинаре. Не то чтобы мы там всеми руководим — мы скорее подталкиваем в нужных направлениях, задаем какие-то векторы, а люди уже сами справляются.

И в-третьих, людям интересно, когда есть разные мероприятия, активности вне учебы, но в то же время связанные с ней. Мы вообще работаем вне сетки расписания — это научно-исследовательский семинар, на него никто не обязан ходить. Это все сугубо добровольная активность. И выясняется, что это интересно, это то, чего не хватает на занятиях и в содержательном плане, потому что можно глубоко вчитываться в философские и научные тексты, и в формальном, потому что можно пробовать что-то новое, можно организовывать конференции, например. Приходится иногда, конечно, подталкивать студентов, но куча креативных идей возникает у них. И я тогда так, одним глазом, присматриваю за тем, что происходит, и помогаю всякие формальности проходить.

Илл. 4. Внеучебное мероприятие спецсеминара (фотография предоставлена Викторией Малкиной).

Ну и важно, что есть еще и не вполне серьезные вещи. Была пара творческих проектов по написанию монодрам и фотодрам, может, еще возникнет. Было несколько выездов в разные места, были шуточные пародийные конференции, были походы в разные музеи и театры. Понятно, что не в последний год, но, когда было можно, ходили. И вернемся еще к этому. Вот все вместе помогает. Ну и студенты у нас хорошие. Как-то другие не задерживаются.

С.Т.: А были какие-то «неожиданные» темы заседаний? Были ли такие, которые заставили вас взглянуть под другим углом на те или иные вещи?

В.М.: «С потолка» тем нет, всегда есть общие векторы, но мы не продумываем темы конференций или стратегии на следующий год заранее. У нас все главное так или иначе рождается в ходе работы. Например, на конференции, посвященной гротескному и фантастическому⁹, мы решили, что нам очень не хватает абсурда: он возникал там все время, поэтому мы добавили его в тему конференции на следующий год. Потом, соответственно, на следующей конференции¹⁰ мы очень сильно сосредоточились на субъектной структуре: кто говорит, видит, — и пришли к тому, что необходимо говорить о категории наблюдателя, соответственно, была конференция о наблюдателе¹¹. На ней выяснилось, что нужно какое-то общее смежное понятие, и мы пришли к воображению,

9 — Конференция «Гротескное и фантастическое в культуре».

10 — Конференция «Абсурд, гротеск и фантастика».

11 — Конференция «Наблюдатель искаженных миров: поэтика и рецепция».

Илл. 5. Конференция, организованная в рамках спецсеминара (фотография предоставлена Викторией Малкиной).

воображаемому миру, который был в центре внимания в прошлом году¹². Ну и к проблеме реальности, которой мы занимаемся сейчас¹³, пришли в прошлом году тоже на конференции. Это, с одной стороны, было неожиданно, потому что мы этого не планировали, но, с другой стороны, закономерно и говорит, что мы правильно двигаемся, когда идеи и тактика рождаются прямо в ходе общей работы. И с темами занятий так было, когда мы приходили к тому, что вот то надо подробнее изучить, а этого не хватает. Так в прошлом году мы пришли к памяти как части воображаемого мира (и еще вернемся к ней на будущий год).

С.Т.: Что бы вы посоветовали прочитать молодым ученым-гуманитариям, которые захотят заниматься визуальным в литературе, познакомившись со статьями нашего выпуска, вашим опытом создания семинара? Возможно, есть MustRead'ы, которые должен прочитать каждый?

В.М.: У нас есть небольшой ридер¹⁴, буквально 10 страниц. Там даже не целиком статьи, а выдержки из статей на определенную тему. Это не то чтобы MustRead, это скорее для тех, кто не всегда присоединяется в начале сезона и задается вопросом: «Это все, конечно, интересно, но я не знаю, что такое визуальное в литературе / ничего не понимаю / мне страшно». И мы говорим: «Читайте, задавайте вопросы и приходите, может, будет не так страшно».

¹² – Конференция «Воображаемый мир героя в литературе и культуре».

¹³ – Конференция «Реальность и “другая реальность”».

¹⁴ – Ридер спецсеминара «Визуальное в литературе».

В ридере есть фрагменты из Лессинга¹⁵ и Гердера¹⁶, которые в ново-европейской культуре поставили вопрос о взаимосвязи искусств. Есть выдержки из книги Р. Ингардена¹⁷ о предметно-видовой структуре текста, есть фрагменты из работы Бахтина¹⁸ о видении у Гете (где он, по сути, описал панорамное историческое видение — одну из двух стратегий зрения). Есть фрагмент из работы Ц. Тодорова¹⁹ «Введение в фантастическую литературу», где он, наоборот, говорит о трансгрессивном зрении, благодаря которому можно видеть невидимое. Есть фрагменты из «Теоретической поэтики» Н.Д. Тамарченко²⁰, в которых он говорит о словесной наглядности художественного текста. Также есть наша с С.П. Лавлинским статья²¹ о визуальном в литературе, о стратегии нашего спецсеминара. Вот это наш минимальный набор, с которым мы начинаем работать. Так, конечно, работ очень много, и говорить «надо читать именно это» не имеет смысла, потому что все зависит от того, что интересует. Есть множество работ за последние 20–30 лет, которые вышли у нас и за рубежом на русском и на английском. И о визуализации в литературе в целом, и какие-то отдельные аспекты. Есть культурологические, искусствоведческие работы, в которых затрагивается литература, например, работы М. Ямпольского²². В Польше была большая конференция об экфрасисе, о которой мы уже говорили. И многое другое.

15 — Лессинг Г.Э. *Лаокоон, или О границах живописи и поэзии*. М.: Худож. лит., 1953. 561 с.

16 — Гердер И.Г. *Критические леса, или Размышления, касающиеся науки о прекрасном и искусства, по данным новейших исследований*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 392 с.

17 — Ингарден Р. *Исследования по эстетике*. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 552 с.

18 — Бахтин М.М. *Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа*. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

19 — Тодоров Ц. *Введение в фантастическую литературу*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

20 — Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. *Теория литературы: В 2 т. Т. 1*. М.: Academia, 2004. 512 с.

21 — Лавлинский С.П., Малкина В.Я. «Визуальное в литературе»: концепция и технология спецсеминара для студентов гуманитарных факультетов // *Визуальное во всем*. М.: ООО «Эдитус», 2020. С. 5–39.

22 — Ямпольский М.Б. *Наблюдатель: очерки истории видения*. Санкт-Петербург: Сеанс, 2012. 344 с.

А.Р.: Хотелось бы развить этот вопрос. Вы называете классиков филологии, и их тексты хотя бы частично давно переведены на русский язык. И вы сами говорите, что в последние годы вышло огромное количество работ на иностранных языках. Может, вы могли бы посоветовать несколько из них?

В.М.: Например, книга W.J.T. Mitchell «Picture Theory»²³ — в ней вторая глава интереснее всего с точки зрения визуального в литературе. А также книги A.D. Miller²⁴ и H. Lund²⁵.

А.Р.: И последний вопрос хотелось бы связать со спецификой журнала. Так как наш журнал студенческий, для гуманитариев, какое бы вы дали напутствие молодому гуманитариию в этом суровом мире науки?

В.М.: У Набокова в одном из его произведений есть слова о том, что читатель должен быть зрителем. То есть что чтение, вообще-то говоря, предполагает видение. А на аватарке нашего спецсеминара написано (студентами, кстати), что смотреть — это не равно видеть. **Поэтому я могу пожелать в качестве напутствия развивать взгляд, видеть, вглядываться, причем необязательно в текст.** Это может быть все что угодно, что является областью научных или ненаучных интересов, но без вглядывания, без разглядывания, без видения будет затруднительно достичь успеха. Потому что умение быть зрителем помогает стать не только читателем, но и приводит к умению понимать.

А.Р.: То есть к тому, чем мы занимаемся как филологи, — попыткам понять текст. Спасибо за беседу!

23 — Mitchell W.J.T. *Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1994. 462 p.

24 — Miller A.D. *Poetry, Photography, Ekphrasis: Lyrical Representations of Photographs from the 19th Century to the Present*. Liverpool: Liverpool University Press, 2015. 256 p.

25 — Lund H. *Text as Picture. Studies in the literary transformation of Pictures*. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 1992. 216 p.